

33

Государственная
Библиотека
СССР
И. И. Давид

300 11507-65

ГОДЪ XLIII.

Еженедѣльное
изданіе.

ноября 5-го 1911 г.

№ 45.

Подписная цѣна: безъ достав-
ки за годъ 3 р. 50 к., на полго-
да 2 р., на три мѣсяца 1 р.,
за мѣсяць 40 к.

Съ доставкой и пересылкою
за годъ 5 р., на полгода 3 р.,
за 8 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣ-
сяць 1 р.

Отдѣльные №№ продаются въ
Редаціи Московскихъ Церков-
ныхъ Вѣдомостей.

Адресъ: Москва, Лиховъ пер.,
Епархіальный домъ, редакция
„Моск. Церк. Вѣдомостей“

Редація открыта отъ II до I ч. дня.

Въ среду и четвергъ, а также въ воскресные
и праздничные дни редація закрыта.

Объявленія принимаются за стро-
ку или мѣсто строки: за 1 разъ
30 к., за 2 раза 50 к., за 3 раза
70 коп., на годъ — по особому
условію.

14-го ноября

ВЪ МАЛОМЪ ЗАЛѢ КОНСЕРВАТОРІИ

ИМѢЕТЬ БЫТЬ

ДУХОВНЫЙ КОНЦЕРТЬ ХОРА СОЛНЦЕВА,

съ музыкально-вокальнымъ отдѣл., въ которомъ примутъ участіе:
проф. Консерв. И. В. ГРЖИМАЛИ, Д. Н. ВЕЙССЪ и др.

Въ пользу дѣтей Хитрова рынка.

Начало въ 8 час. вечера.

Билеты, отъ 1 р. 10 к. до 10 р. 10 к., продаются: въ кассѣ Кон-
серваторіи, въ магаз. Гутхейль (Кузн. Мостъ) и у С. А. Сороки-
ной (Арбатъ, Никольскій пер., соб. домъ, № 15).

С Л О В О

на 5 октября—въ день святителей московскихъ: Петра, Алексія, Іоны и Филиппа и въ день тезоименитства Наслѣдника Цесаревича Алексія Николаевича.

Прошли цѣлые вѣка съ того времени, какъ Господу было благоугодно призвать отъ земли на небо святителей—Петра, Алексія, Іону и Филиппа. Время, по естественному закону, удаляя предметы въ давно-прошедшее, предаеть забвенію общія черты и дѣянія умершихъ, однако и продолжительность времени не можетъ погасить крупныхъ, индивидуальныхъ свойствъ историческихъ дѣятелей, счастливыми наслѣдниками которыхъ обыкновенно дѣлаются отдаленные потомки. Какія же, особенно характерныя, дѣла изъ среды многихъ другихъ, поражаютъ нашъ взоръ въ дѣятельности ублажаемыхъ нынѣ церковію святителей, за которыя мы, какъ потомки и наслѣдники, особенно признательны имъ? За что исторія и церковь занесла имена ихъ на свои скрижали неизгладимыми письменами?

Всматриваясь въ ходъ историческихъ событій того времени, мы прежде всего и болѣе всего подмѣчаемъ этотъ, хотя и медленный, вѣковой, тѣмъ не менѣе постоянный и постепенный, процессъ насажденія основныхъ государственныхъ національныхъ началъ святителями, какъ они приводили сознаніе народное къ единству земли русской, для которой, какъ таковой, необходимы были и единство вѣры, и единство государственной власти въ лицѣ великаго князя московскаго.

Не въ легкое и радостное время жили первые святители. Въ то время предки наши были въ тяжеломъ рабствѣ у невѣрныхъ-татаръ. Притѣсненія послѣднихъ иногда не знали предѣловъ. Нерѣдко православные храмы, города и цѣлыя области уничтожались огнемъ и мечемъ, и лучшіе сыны отчизны полагали животь свой за вѣру и отечество.

Съ другой стороны, удѣльные князья еще не научились единодушію и любви взаимной, и не переставали дробить русскую землю и народъ, заняты своими личными интересами.

Наконецъ, ко времени святителя Іоны на русскую землю надвинулась новая и грозная туча съ юго-запада въ лицѣ католицизма, которая охватила уже собою области: Кіевскую, Черниговскую и Галицкую.

При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ могъ ли русскій народъ переходить отъ силы въ силу? Могъ ли онъ при своей разрозненности сбросить съ себя иноземное иго, подъ которымъ томилась тогда русская земля? Не стремился ли онъ скорѣе по наклонной плоскости еще къ большому упадку и даже потерѣ своей національной самобытности? Все могло быть. По крайней мѣрѣ, исторія свидѣтельствуетъ, что ко времени св. Петра на Руси не слышалось уже рѣчей о единой землѣ русской и о единомъ

великомъ князѣ, что при одномъ словѣ—татаринъ—люди бѣжали въ паническомъ страхѣ, незная куда, оставляя свои жилища.

Правда, и въ то время русскій народъ представлялъ собою огромное семейство, но въ немъ еще не было государственной правильной организаціи, когда воля одного правителя составляетъ законъ для каждаго члена, какъ воля отца въ семействѣ. Удѣльные князья, постепенно дробя землю русскую, замкнутые въ своихъ личныхъ интересахъ, все болѣе и болѣе гасили идею о единствѣ русской земли и о единомъ правителѣ ея—Государѣ. Зажечь эту идею въ сознаниі цѣлаго народа, вывести ее изъ фазы смутнаго помысла и настроенія, и воплотить въ лицѣ московскаго князя—эту задачу и взяли на себя святители московскіе—Петръ, Алексій и Іона. Какъ же они работали въ этомъ направленіи?

Любили святители русскую землю и народъ и во всю жизнь готовы были жертвовать собою для спасенія и славы предметовъ своей любви. Они, богопросвѣщенные, ясно понимали, какъ никто изъ современниковъ, что не храбрость и открытая брань съ слабыми разрозненными силами, а смиренная покорность волѣ Божіей и тѣмъ, кому Господу угодно было отдать на время въ зависимость русскую землю, были до времени единственными средствами къ спасенію отечества. Внушая великимъ князьямъ московскимъ такія отношенія, святители въ тоже время сами своею строго-подвижническою жизнію заставляли неволью уважать даже варваровъ не только себя и московскаго князя, но и свою вѣру и отечество.

Въ цѣляхъ объединенія и собиранія русской земли подъ властію московскаго князя, св. Петръ, обязанный *de jure* жить во Владимірѣ, онъ, однако, *de facto* постоянно жилъ въ Москвѣ, около московскаго князя Іоанна Калиты, былъ постояннымъ и любимымъ его гостемъ и совѣтникомъ въ дѣлахъ княжества. На него князь оставлялъ свою семью, когда отправлялся къ ханамъ въ орду, а равно и завѣдываніе дѣлами княжества. По его мысли Іоаннъ Калита строилъ храмы и этотъ св. храмъ, въ которомъ мы стоимъ въ настоящія святія минуты.

Въ томъ же направленіи шли въ своей дѣятельности св. Алексій и Іона. Первый изъ нихъ нерѣдко самъ ѣздилъ въ орду къ ханамъ по дѣламъ московскаго княжества, особенно тогда, когда требовалось послѣ смерти великаго князя передать велико-княжескій столъ его старшему сыну. Этотъ новый порядокъ престолонаслѣдія, усиливающій одну прямую линію и ослабляющій другія боковыя, особенно защищали святители, называя такой порядокъ „отчествомъ и дѣдствомъ“ и „значала земской пошлиной“. Противъ нарушителей такого порядка духовенство во главѣ съ своими первосвятителями, рѣшительно возставало и такое притязаніе со стороны удѣльнаго князя сравнивало съ грѣхомъ „протца Адама“. Галицкіе князья, помыслившіе въ лицѣ Шемяки захватить московскій велико-княжескій столъ, приняты были

Москвой, какъ чужіе, какъ похитители, и чувствовали себя здѣсь одиноко, окруженные недоувѣрjemъ. И усобица еще не кончилась, а глава русской іерархіи уже провозглашала единовластіе законнаго московскаго князя совершившимся фактомъ, предъ которымъ обязано преклониться все русское общество—и князья, и простые люди. Новопосвященный митрополитъ Іона въ своемъ посланіи призываетъ князей, пановъ, бояръ, воеводъ и все христоименное „людство“—бить челомъ своему Господарю великому князю Василю, отдаться въ его волю; если же они этого не сдѣлаютъ и допустить Шемяку возобновить усобіа, съ нихъ взыщется вся пролитая кровь христіанская, въ землѣ ихъ никто не будетъ зваться христіаниномъ, ни одинъ священникъ не будетъ священствовать, всѣ церкви Божіи будутъ закрыты. Неудивительно послѣ этого, что московскій князь, окруженный авторитетомъ первосвятителей, заботы которыхъ такъ горячо простирались и къ его старшему сыну, какъ законному наследнику престола, весьма скоро выросъ въ сознаниі цѣлаго народа, и идея о единомъ Государѣ остановилась именно на немъ. Мудрое и взаимное правленіе московскихъ князей и первосвятителей имѣло слѣдствіемъ то, что въ этомъ княжествѣ не было долгое время никакихъ междоусобій, которыми такъ чревато было удѣльное время въ другихъ княжествахъ. Чрезъ это народъ въ московскомъ княжествѣ отдыхалъ отъ удѣльныхъ нестроений и татарскаго порабоженія, забывалъ страхъ и духовно мужалъ. Это, необычное въ то время, явленіе было истолковано народомъ въ томъ смыслѣ, что на Москвѣ и ея князѣ видимо покоится благословеніе Божіе и первосвятителей церкви русской, съ которыми были связаны всѣ религіозно-правственные интересы православнаго русскаго народа. Въ народномъ представленіи политическіе успѣхи Москвы и ея князя такимъ образомъ освящались содѣйствіемъ и благословеніемъ Свыше, и это потянуло къ Москвѣ и ея князю все право-вѣрующее и благомыслящее на Руси. Тогда въ русской землѣ явилось подобное тому, что мы видимъ въ природѣ, въ законахъ притяженія меньшаго къ большему. Какъ множество рѣкъ несутъ свои воды къ морю, образуя многоводное пространство, такъ и множество удѣловъ вошли тогда въ московское княжество, образуя изъ послѣдняго одно огромное государство. Іоаннъ Калита владѣлъ только 15 удѣлами, тогда какъ внукъ его владѣлъ уже 60 удѣлами. И всѣ князья послѣднихъ въ большинствѣ случаевъ пошли на службу къ великому князю московскому добровольно, безъ принужденія, какъ слуги Государя.

Такъ нити церковной жизни, завязанныя Святителями, далеко расходились отъ митрополичьей кафедры по русской землѣ, притягивая ея части къ Москвѣ, какъ къ центру. Такъ идея о единствѣ русской земли и единой на ней власти постепенно расшищалась, затемненная удѣльными нестроениями. Какъ скоро население почувствовало, что Москва способна стать центромъ, около котораго оно могло собрать свои силы для борьбы съ внѣшними

врагами, что московскій князь можетъ быть народнымъ вождемъ въ этой борьбѣ, въ умахъ и отношеніяхъ удѣльной Руси совершился переломъ, рѣшившій судьбу удѣльнаго порядка. Всѣ долготѣ затаенныя или дремавшія національныя ожиданія, долго и безуспѣшно искавшія себѣ надежнаго пункта прикрѣпленія, сошлись тогда съ усиліями Святителей московскихъ и понесли московскаго князя на высоту національнаго Государя. Народившаяся идея о народномъ государствѣ и князѣ, какъ вождѣ народа, нашла для себя скоро въ жизни полное выраженіе. Великій князь московскій Дмитрій Іоанновичъ, по благословенію первосвятителя московскаго и преподобнаго Сергія, незамедлительно навалился грудью народныхъ богатырей на стѣну татарскую, на берегахъ великаго Дона, обрушилъ ее и тѣмъ освободилъ русскую землю и сыновъ ея отъ вѣковаго ига. Эта идея не ставила предѣловъ какъ для народовъ, такъ и для князя, въ дѣлѣ борьбы съ внѣшними и религіозными врагами, но она дѣлала всякую борьбу уже общою, народною, имѣющею одинаковое значеніе и для москвича, и для тверича, и для всякаго другого. Вслѣдствіе этого объединенія народа теперь всякая борьба его получаетъ небывалую доселѣ мощь и силу. Мы видимъ, что въ послѣдствіи въ борьбѣ съ русскимъ народомъ, объединенномъ въ своемъ Государѣ, постепенно пали царства: астраханское, казанское и др., и изъ княжества московскаго создалось огромное единственное въ мірѣ государство. Равнымъ образомъ, и московскій князь, вначалѣ самый меньшій изъ братьевъ своихъ, только на пространствѣ полутора вѣковъ достигъ такого величія, что сдѣлался Самодержавнымъ Царемъ всея Россіи. Но и на высотѣ своего величія, могущества и славы. Онъ, воспитанный Святителями въ томъ убѣжденіи, что сердце царю въ рукахъ Божіихъ, всѣ успѣхи въ дѣлахъ государственныхъ приписывалъ не себѣ, но милости къ себѣ Бога. „Милостію Божіею“—такъ начиналъ онъ дѣлать каждое свое распоряженіе, обращенное къ своимъ подданнымъ. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ сказался уже духовный религіозно-нравственный ростъ московскаго князя, которымъ онъ былъ обязанъ тѣмъ же Святителямъ. Такимъ образомъ о каждомъ изъ Святителей можно сказать тоже, что было сказано объ одномъ вождѣ израильскомъ: „благопоспѣшно бысть спасеніе рукою его, и возвесели въ дѣлахъ своихъ Израиля, и даже до вѣка память его въ благословеніи“.

Но воздаявая кесарева Кесареви, объединяя князя и народъ политически, Святители болѣе всего старались воздать Божію Богови—объединять ихъ вѣрою. Въ то время, какъ въ государственный организмъ насаждалась такая олицетворенная сила, по манію которой всѣ члены начинали дѣйствовать во взаимномъ согласіи, святители исправляли разрушенныя храмы и воздвигали новые, насаждая православно-христіанское благочестіе въ народѣ и правителяхъ. Къ тѣмъ же самымъ предметамъ они стремились возвести умъ и сердце великаго князя, дабы онъ

свое величіе земное подкрѣплялъ величіемъ небеснымъ. Ибо они знали, что кто созидаеть домъ Божій, того престолъ будетъ исправленъ во вѣки (2 Цар. 7, 13; 14, 16). Особенно крѣпко стояли святители за православную вѣру, когда той угрожали тѣ и другіе враги. Такъ, послѣ флорентійской уніи нѣкоторые юго-западныя области стали тяготѣть къ католичеству. Тогда свят. Иона шлетъ въ эти области посланіе, въ которомъ отечески убѣждаетъ стойко держаться вѣры православной, вѣры отцевъ своихъ, и съ терпѣніемъ переносить гоненія отъ враговъ вѣры. Напрасно изъ Рима обличали Святителя, называли его измѣнникомъ и угрожали проклятіемъ. Св. Иона высоко держалъ знамя православія, онъ какъ бы не слышалъ угрозъ изъ Рима и все крѣпче и крѣпче связывалъ юго-западныя области съ православною Москвою, постепенно отливая ихъ въ области православныя.

За все, содѣянное Святителями во благо вѣры, Царя и отечества, церковь причислила ихъ къ лику Святыхъ, исторія же занесла имена ихъ на свои скрижали. И если когда, то нынѣ—въ день тезоименитства Благовѣрнаго Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича особенно необходимо отмѣтить, какъ особое знаменіе, что въ этомъ храмѣ, въ которомъ почиваютъ нетлѣнные останки святителей, стоявшихъ за престолонаслѣдіе первенца Царева, совершается актъ государственной важности—вѣнчаніе русскихъ царей на царство.

Много прошло времени отъ смерти святителей Петра, Алексія, Ионы и Филиппа, цѣлые вѣка. За это время чего, чего не пережила Россія. Не одно лихолѣтье досталось ей въ удѣлъ,—однакоже отъ того она не погибла, но только лишь какъ бы очистилась. Вѣрная завѣтамъ святителей, она въ лицѣ человѣка, неисполнившаго уставовъ церкви, не ошиблась обнаружить самозванца и призвать на царство истинный родъ царей. Она же, вѣрующая въ высшее призваніе этого рода, въ лицѣ Александра Благословеннаго поднялась на ту высоту религіознаго и народнаго духа, съ которой посрамила такого исполина, какимъ является въ исторіи Наполеонъ 1-й, и этимъ удивила весь міръ—единеніемъ народа съ своимъ Царемъ. Она вѣками воспитанная въ убѣжденіи, что сердце царево въ рукахъ Божіихъ (Прит. 21, 1), не колеблясь, пошла въ слѣдъ преобразованій великаго Петра, хотя въ то время страшилась всякихъ новшествъ. И нынѣ—все та же Россія, прошедшая чрезъ горнило столькихъ и недавнихъ испытаній влѣдствіе послѣдней войны и народныхъ волненій, съ умиленіемъ взираетъ на своего Монарха и Его Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, готовая пожертвовать за нихъ всею, и смѣло смотритъ въ свое грядущее. А между тѣмъ, что ожидало ту же самую могущественную Россію, еслибы святители такъ рано не насадили въ ней основъ для власти единодержавной и не спаяли народъ съ Царемъ единствомъ вѣры и сознаніемъ о русской землѣ, какъ единой и недѣлимой? Не продолжилось-ли бы иго татарское еще на цѣлые

вѣка? И не повторилося-ли бы съ нашимъ отечествомъ таже печальная исторія, какая постигла нѣкоторыхъ нашихъ братьевъ—славянъ? Все могло быть. Вспомните древній величавый Римъ съ всемірнымъ его значеніемъ и языческою культурою. Вспомните Вавилонянъ, Ассиріянъ и Евревъ. Что осталось отъ всего ихъ могущества для общечеловѣческой жизни? Какіе-то жалкіе обломки. А почему? Несомнѣнно потому, что одни изъ нихъ такъ скоро потеряли царей, другіе такъ часто мѣняли образъ правленія въ своихъ государствахъ. Не прошло для нихъ безнаказаннымъ то, что они пренебрегли изначальными основоположеніями всякой жизни и правленія, которые такъ ярко обнаруживаются въ семьѣ—этомъ маломъ государствѣ, гдѣ воля одного отца даетъ направленіе дѣятельности остальныхъ членовъ. Поэтому, братія, мы должны въ государственной жизни какъ можно крѣпче держаться завѣтовъ нашихъ святителей, которые они намъ оставили о единой державѣ. Вѣдь именно въ послѣднемъ заключается тайна могущества и силы какъ этихъ завѣтовъ, такъ и могущества народа. И въ самомъ дѣлѣ, всмотритесь въ жизнь цѣлаго міра и отдѣльныхъ духовныхъ организмовъ, и вы увидите, что какъ въ первомъ, такъ въ послѣднихъ вся жизнь представляетъ собою единство въ разнообразіи. Въ мірѣ все направляется отъ центра къ периферіямъ и отъ периферій къ центру. Тоже движеніе замѣчается и въ духовно-разумной жизни людей. Отъ одного источника проистекають всѣ наши помышленія, желанія и дѣянія. По тѣмъ же естественнымъ законамъ должна совершаться и жизнь государственнаго организма. Все должно исходить отъ одного Царя и все должно направляться къ Нему—это законъ, вдухнутый Творцемъ въ лицо жизни каждаго государства. Могущество и сила этого закона понятны, когда его исполняетъ извѣстный народъ. И въ самомъ дѣлѣ, умомъ одного человѣка (Царя), предназначеннаго Провидѣніемъ къ царскому служенію (Притч. 21, 1), легче воспринимается направленіе Свыше, чѣмъ разнородными умами многихъ. Одна воля, при единичномъ сознаніи священнаго призванія и отвѣтственности предъ Богомъ, легче отдается водительствоу Промысла Божія, чѣмъ разнородныя воли многихъ, движимыя разнообразными наклонностями и побужденіями. И отъ велѣнія Одного цѣльнѣе исходитъ Законъ и рѣшительнѣе покоряетъ волю народа. Далѣе, ожиданія народа отъ одного отличаются особенною нравственною чистотою и возвышенностію, какъ ожиданія дѣтей отъ Отца. Здѣсь не дается мѣста для пристрастнаго выбора правителей, влекущаго за собою раздѣленія и междоусобія. Мощное слово одного Царя, особенно Самодержца, который по вѣровавіямъ народа исполняетъ волю Божію, рѣшительнѣе движетъ массы людей къ одной цѣли, чѣмъ робкіе и часто нестройные голоса многихъ правителей, избираемыхъ обычно въ силу одной только партійной борьбы. Имѣя одного Правителя въ лицѣ Царя, народъ думаетъ: Онъ у насъ одинъ, къ Нему онъ обращаетъ свои взоры, къ Его слову склоняетъ

свой трепетный слухъ, отъ Него ждетъ указаній и направленія. И народу всегда легче Его одного мысленно представить и слиться въ взаимной любви.

Такъ именно думали и чувствовали наши отцы и отдаленные предки, введенные святителями московскими въ этотъ душевный процессъ національныхъ переживаній. Подъ влияніемъ такихъ убѣжденій и чувствованій они вѣрно служили своимъ Царямъ и работали для отечества. И вотъ они совокупно съ Царями сложили это величественное зданіе русскаго Царства, котораго мы счастливые наслѣдники.

Возблагодаримъ же Господа Бога за величество смотрѣній о нашемъ отечествѣ чрезъ избранные Имъ сосуды чрезъ святителей—Петра, Алексія, Іону и Филиппа, величая и почитая память ихъ. Благоговѣнное памятованіе и прославленіе святителей, пробудившихъ народное сознаніе къ объединенію русской земли, особенно благопотребно въ наши дни, когда повсюду замѣчается разномысліе по вопросамъ вѣры и жизни государства и когда для большинства нынѣ нѣтъ уже авторитетовъ даже въ священной отечественной исторіи. Въ настоящее время обычно слышишь, что отдѣльныя личности не имѣютъ значенія въ исторіи, что сдѣланное одними все равно было бы сдѣлано другими. Отвлеченно говоря, мы, конечно, могли бы быть рождены другими родителями, но эта праздная мысль о какихъ-то возможныхъ родителяхъ не упраздняетъ заповѣди почтенія къ дѣйствительнымъ родителямъ. Такія же обязанности почтанія налагаются на насъ и по отношенію къ великимъ нашимъ предкамъ, чрезъ которыхъ видимо проявилось Высшее Промышленіе. Если для насъ важно и дорого, что наша родина, съ которой такъ тѣсно связано все наше существованіе, приведена московскими святителями изъ хаотическаго существованія въ стройное органическое цѣлое, чѣмъ мы пользуемся, какъ наслѣдники, нашъ непремѣнный и нравственный долгъ преклониться предъ величественнымъ образомъ святителей, творить память о нихъ съ похвалами“. Нѣтъ, не гасить мы должны такіе образы, а вознести ихъ на высоту историческаго безсмертія. Въдѣ эти образы—великое наслѣдіе, великое сокровище для русскаго народнаго духа. Въдѣ они способны влить въ юное сердце мужество, родить патріотическій энтузіазмъ и держать духъ народный въ этомъ напряженіи. А развѣ этого мало? Вспомните объ одномъ ветхозавѣтномъ патріотѣ Іудѣ Маккавейскомъ, какъ онъ укрѣплялъ духъ мужества въ своихъ подвижникахъ? Предъ всякой рѣшительной минутой онъ старался напомнить имъ о прежнихъ подвижникахъ за отечество. Вотъ почему, чѣмъ сильнѣе и развитѣе народъ, тѣмъ онъ дороже цѣнить заслуги выдающихся патріотическихъ дѣятелей и даже созидаетъ имъ памятники. Да, подвиги такіе не забываются, на нихъ воспитываются грядущія поколѣнія.

Какъ зерно, брошенное въ землю, приноситъ „плодъ многъ“, такъ и высокіе, религіозно-нравственные образы, рассказы о ко-

торыхъ бросаются въ молодое раскрывающее сознание, не остаются безплодными, а зажигаютъ юныя сердца жаждою великихъ подвиговъ за Царя, вѣру и отечество, О, если бы и наши юныя поколѣнія воспитывались на дивныхъ образахъ печалованія о русской землѣ, тогда каждый впоследствии могъ бы переживать возвышенныя настроенія и сказать вмѣстѣ съ христіанскимъ поэтомъ:

„Мои сгибаются колѣни
И голова преклонена,
Зову властительныя тѣни
И ихъ читаю письма“.

* * *

„Въ тѣни таинственнаго храма“
Учусь сквозь волны виміана,
„Словамъ наставниковъ внимать
И, забывая гулъ народный,
Ввѣрясь думѣ благородной,
Могучимъ вздохомъ ихъ дышать“.

Аминь. Московской Іоанно-Предтечевской, въ Казенной, церкви Протоіерей *Василій Соболевъ*.

Памяти родныхъ поэтовъ.

Минувшее 16-е октября и наступающее 8-е ноября—это дни памяти двухъ замѣчательныхъ русскихъ людей—поэта И. С. Никитина и М. В. Ломоносова. Первый изъ нихъ происходилъ изъ духовнаго званія, а второй отъ крестьянина-рыбака и отъ матери—дочери діакона. Это обстоятельство роднитъ того и другого съ самою крѣпкою коренною Русью. Но этимъ двумъ крупнымъ побѣгамъ исторически крѣпкаго духовнаго сословія суждено было выдти изъ тѣсныхъ условій жизни, въ которыя они были поставлены своимъ рожденіемъ. Въ обоихъ нихъ чувствуется, выражаясь языкомъ одного біографа И. С. Никитина, своеобразный закалъ, какая-то осѣдлая, почвенная внутренняя культура и выдержка, своего рода подвижничество.

И благодаря этимъ-то качествамъ, два поэта, о которыхъ мы говоримъ, скончавшіеся одинъ послѣ другого чрезъ 50 лѣтъ, являются во многомъ общими выразителями однѣхъ и тѣхъ же думъ, однихъ и тѣхъ вѣрованій. Это—два исполина, въ сравненіи съ которыми современ-

ные намъ поэты являются мелкимъ, хотя, быть можетъ, иногда и колючимъ кустарникомъ, ранящимъ широкое сердце русскаго народа, любящее свое прошлое, свои родные завѣты и кровью, истекающею изъ этихъ ранъ, удовлетворяющимъ свое тщеславіе. И. С. Никитинъ и М. В. Ломоносовъ имѣли шипы, но они обращали ихъ на недруговъ родины. Все же русское было для нихъ дорогимъ и роднымъ. Жаднымъ взоромъ всматривались они въ русскую природу, въ русскую дѣйствительность. И. С. Никитинъ говоритъ, напримѣръ, о себѣ: „природа была моею нравственной опорой, поддержкой моихъ силъ, свѣтлой стороной моею жизни“. Любя природу, онъ и другимъ совѣтуетъ прислушиваться, присматриваться къ ней. Указывая на природу, онъ обращается къ путнику:

Твоя постель—цвѣты живые,
Трава пахучая—коверъ,
А эти своды голубые—
Твой раззолоченный шатеръ...

Для него природа какъ бы живетъ. Въ ея грозныхъ явленіяхъ онъ чувствуетъ какъ бы избытокъ силъ. Въ грозѣ ему чудятся старые богатыри старой матушки-Руси.

Среди полей, лѣсовъ у И. С. Никитина просыпалось религіозное настроеніе. Для него

Присутствіе непостижимой силы
Таинственно скрывается во всемъ:

Есть мысль и жизнь—говоритъ поэтъ, повторяя мысли Бѣлинскаго, видѣвшаго во всѣхъ мирныхъ и грозныхъ явленіяхъ природы выраженіе высшей разумной идеи,

.....въ безмолвіи nocturno,
И въ блескѣ дня, и въ тишинѣ могилы,
Въ движеніи безчисленныхъ міровъ,
Въ торжественномъ покоѣ океана,
И въ сумракѣ задумчивыхъ лѣсовъ
И въ ужасѣ степного урагана,
Въ движеніи прохладномъ вѣтерка,
И въ шелестѣ листовъ передъ зарею
И въ красотѣ пустыннаго цвѣтка,
И въ ручейкѣ, текущемъ подъ горою.

Отъ его вдумчивой поэзіи вѣетъ тихимъ свѣтомъ, который трепеталъ, какъ символъ, въ его дѣтской у святой иконы когда

Вся блѣдная, освѣщена лампадой,
Молилась мать его въ слезахъ...

Эта молитва матери научила его припадать въ минуты сомнѣнія и къ Кресту. Онъ понимаетъ силу Креста Христова и, духовно склоняясь предъ нимъ, зоветъ и другихъ къ нему:

„Если жизнь тебя измучить,
Умъ и сердце возмутить,
Если жизнь роптать научить,
Любовь и вѣру погасить,—
Приникни съ жаркими слезами,
Креста подножье обойми:
Ты примиришься съ небесами,
Съ самимъ собою и съ людьми“.

Если крестъ Христовъ былъ высшимъ покровомъ въ минуты скорби поэта, то и въ жизни вообще онъ склонялся предъ глаголами живота вѣчнаго.

Онъ говоритъ о себѣ:

„Не разъ я себѣ находилъ
Въ глаголахъ Предвѣчнаго Слова
Источникъ покоя и силъ...
Какъ сладко читать эти строки,
Читая, молиться въ тиши
И плакать, и черпать уроки
Изъ нихъ для ума и души!“

Цѣня чистоту религіознаго міросозерцанія, чистоту сердца, онъ зоветъ дѣтей дорожить этою чистотою:

„Молись, дитя: сомнѣнья камень
Твоей груди не тяготить:
Твоей молитвы чистый пламень
Святой любовью горить,
Молись, дитя: тебѣ внимаеть
Творецъ безчисленныхъ міровъ
И капли слезъ твоихъ считаеть
И отвѣчать тебѣ готовъ“.

Конечно, въ жизни И. С. Никитина были минуты раздумья, минуты сомнѣнія. По поводу этого можно сказать „человѣкъ бо есть“, но этотъ человѣкъ умѣлъ сказать то, чего не скажутъ наши современные беллетристы:

„Смирись же и вѣруй
О, умъ мой надменный!“

И еще рѣшительнѣе говорить онъ своему уму:

О, умъ мой холодный!
Зачѣмъ, уклоняясь
Отъ кроткаго взора
Божественной вѣры,
Ты гордо блуждаешь
Во мракъ сомнѣнья?

И когда умъ отлагаетъ свою гордыню и сердце пре-
бываетъ въ тишинѣ, то поэту чувствуется вѣяніе Бога:

Смолкла дневная тревога...
Полный торжественныхъ думъ,
Видитъ присутствіе Бога,
Въ этомъ молчаніи умъ.

Понятно, что поэтъ съ такимъ настроеніемъ не могъ обойти предметовъ вѣры. Евангеліе, какъ пища жизни, давало ему тему для его поэзіи и то же Евангеліе научило его цѣнить подвиги „святыхъ“... Онъ восхищался ими и даже при закатѣ своего дня.

Одинъ біографъ И. С. Никитина пишетъ объ этомъ послѣднемъ днѣ поэта.

„Съ особенною восторженностью читалъ онъ въ запискахъ Чеботарева послѣдніе дни св. Тихона Задонскаго. „Вотъ это я понимаю! Вотъ она гдѣ правда-то!“— не разъ восклицалъ Никитинъ, чуя и свои послѣдніе дни“. Событіе открытія мощей совершенно его поглотило и, кажется, значительно поддержало его угасающую жизнь. Съ напряженнымъ вниманіемъ онъ выслушивалъ рассказы посѣтившихъ Задонскъ и самъ какъ бы напрашивался на подобные рассказы ¹⁾. Послѣ такого настроенія естественъ былъ переходъ къ евангелію. Это была послѣдняя книга, которую Никитинъ читалъ въ своей жизни, читалъ до самой смерти, ни слова ни съ кѣмъ не говоря о прочитанномъ. Ясно, что великая книга глубоко переживалась и прочувствовалась однимъ изъ „страждущихъ и обремененныхъ“, стоящимъ на пути къ вѣчному упокоенію“.

Въ иной варіаціи, но тѣ же самыя темы повторялъ

¹⁾ Смерть поэта послѣдовала черезъ 2 мѣсяца послѣ открытія мощей св. Тихона Задонскаго.

и М. В. Ломоносовъ въ своей поэзіи, предваряя, какъ-бы, его поэзію И. С. Никитина. Являясь русскимъ по рожденію и по духу, онъ любилъ все русское. Онъ—сторонникъ правды. За правду онъ готовъ былъ стоять крѣпко. Онъ съ негодованіемъ отзывается объ иностранцахъ, которые считали русскихъ малоподготовленными къ наукѣ. Не разъ „непріатели науки російской“ причиняли досажденія русскому ученому и поэту М. В. Ломоносову; они желали даже причинить ему „наказанія на тѣлѣ“ и отставить его отъ Академіи наукъ, но онъ велъ неустанную борьбу съ ними (преимущественно съ нѣмецкою партією професоровъ) и говорилъ имъ, что „скорѣе можно отставить отъ меня Академію, чѣмъ меня отъ Академіи“. И это—широкая метафора. Ломоносовъ, котораго Пушкинъ назвалъ „первымъ русскимъ университетомъ“, стоялъ за Россію, за ея самобытность, за ея національное могущество и славу. Поэтому онъ далъ и въ свое поэзіи отблески русской мысли, русскихъ вѣрованій. Какъ и поэтъ И. С. Никитинъ, онъ любилъ природу... И ученый не пересиливалъ въ немъ человѣка вѣры. „Правда и вѣра, говоритъ М. В. Ломоносовъ, суть двѣ сестры родныя, дщери одного Всевышняго Родителя, никогда между собою въ распрю пріити не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія на нихъ вражду всклеплетъ“. И далѣе онъ продолжаетъ: „Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги. Въ одной показалъ Свое величество, въ другой—Свою волю. Первая—видимый сей міръ, имъ созданный, чтобы человѣкъ, смотря на огромность, красоту и стройность его зданій, призналъ божественное всемогущество, по мѣрѣ себѣ дарованнаго понятія. Вторая книга—Священное Писаніе. Въ ней показано Создателяво благоволеніе къ нашему спасенію. Въ сихъ пророческихъ и апостольскихъ богодухновенныхъ книгахъ истолкователи и изъяснители—суть великіе церковные учителя... А въ оной книгѣ сложенія видимаго міра физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители божественныхъ, въ натуру вліянныхъ, дѣйствій, суть таковы, каковы въ оной книгѣ пророки, апостолы и церковные учителя“. Слѣдовательно, раздоръ между наукой и религіей есть нѣчто ненормальное. И та и

другая—откровение одного и того же всемогущаго Бога. Таковъ взглядъ на отношеніе между религіей и наукой Ломоносова. Для него познаніе природы есть дѣло святое, которое отнюдь не упраздняетъ религіознаго чувства, а, наоборотъ, содѣйствуетъ его укрѣпленію и возвышенію. И природа—это великая художница, работающая по Высшему велѣнію, и религія является для него одинаково источникомъ возвышеннаго вдохновенія.

Развитіе этихъ мыслей мы видимъ въ извѣстныхъ одахъ Ломоносова, въ которыхъ онъ выражаетъ мысль о Божественномъ всемогуществѣ. Такова, напримѣръ, ода, представляющая изъ себя воспроизведеніе мыслей изъ книги Іова:

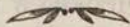
О, ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ!..—

обращается поэтъ въ ней къ скорбящимъ и ропщущимъ на свою горькую долю людямъ, и продолжаетъ:

„Святую волю почитая,
Имѣй свою въ терпѣнныи часть.
Онъ все на пользу нашу строить,
Казнить кого, или поконить.
Въ надеждѣ тяготу сноси
И безъ роптанія прости“.

Его „размышленія о Божіемъ величїи“ показываютъ, что онъ, какъ человѣкъ науки, сознавалъ безсиліе свое проникнуть во все тайны мірозданія. А гдѣ есть это сознаніе—тамъ начало великой христіанской добродѣтели—*смиренія*.

И это смиреніе было конечнымъ результатомъ личной жизни и поэтическихъ твореній двухъ поэтовъ И. С. Никитина и М. В. Ломоносова—этихъ великихъ русскихъ поэтовъ съ чистою русскою душою. Вѣчная имъ память!

Д. В.

Священникъ Троицкой, что въ Троицкой, церкви Георгій Семеновичъ Легонинъ.

(Изъ исторіи непріятельскаго нашествія на Москву въ 1812 году.)

Въ январѣ 1813 года генераль-фельдмаршалъ графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ возбудилъ предъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода княземъ А. Н. Голицынымъ ходатайство о награжде-

ни „знакомъ отличія“ священника московской Троицкой, что въ Троицкой, церкви Георгія Семенова. Сообщая объ этомъ ходатайствѣ преосвященному Августину, епископу Дмитровскому, на „его уваженіе“, князь Голицынъ просилъ его „не оставить безъ особеннаго вниманія“ вышеуказаннаго ходатайства графа Салтыкова ¹⁾. Изъ свѣдѣній, полученныхъ преосвященнымъ Августиномъ изъ Московской Духовной Консисторіи о вышеозначенномъ священникѣ Георгіи Семеновѣ, открывается, что этотъ священникъ обладалъ сравнительно высокимъ образовательнымъ цензомъ, „былъ изъ окончившихъ въ Московской Академіи богословія студентовъ“. Во священника онъ былъ рукоположенъ къ Димитріевской, у Тверскихъ воротъ, церкви 25-го іюня 1780 г. До перемѣщенія къ Троицкой церкви проходилъ должность благочиннаго въ Никитскомъ и Срѣтенскомъ сорокахъ ²⁾. Но въ чемъ собственно заключались особенныя заслуги священника Георгія Семенова въ нашествіе непріятелей на Москву въ 1812 году, побудившія графа Салтыкова ходатайствовать объ его награжденіи знакомъ отличій? Намъ кажется, что объ этомъ всего лучше выслушать простой и безхитростный рассказъ самаго о. Георгія. Вотъ этотъ рассказъ, изложенный имъ въ репортѣ преосвященному Августину отъ 27 го февраля 1813 года: „Я, именованный, во время нашествія непріятелей въ Москву, стараясь о церкви и о утвари ея, былъ неотлучно въ оной до тѣхъ поръ, когда пріѣхала французская гвардія, и, разбивъ съ обѣихъ сторонъ двери, гдѣ мнѣ, грозя смертію, грабила; тогда я отъ страха, уже лишившись отъ пожара и дома, и своего имѣнія, имѣя у себя семейство, принужденъ былъ на нѣсколько времени скрыться. Потомъ, опять пришедъ въ церковь, спасъ въ ней иконостасъ отъ пожара и, сколько могъ, сохранилъ въ ней ризницу, серебра съ пудъ, книги и прочую утварь. Тогда, видя отъ страха умирающихъ христіанъ и требующихъ исповѣди и причащенія святыхъ таинъ, испросилъ дозволенія отъ французскаго дивизионнаго генерала и коменданта Димильё служить божественную литургію и на которой поминать всероссійскаго Императора со всею Августѣйшею Его фамиліей, а для безпрепятственности службы приставленъ былъ караулъ. Почему съ 24-го числа сентября, на день храма преподобнаго Сергія, съ вечера всенощное бдѣніе

¹⁾ Архивъ Московской Духовной Консисторіи. Дѣло (23 января 1813 г.) за № 1078.

²⁾ Тамъ же.

отправлялъ, а поутру освятилъ воду, кропилъ всю церковь, при многочисленномъ стеченіи народа, и божественную литургію совершалъ. Потомъ и во всѣ дни служилъ и многихъ постившихся и изнуренныхъ отъ страха людей Святыхъ Таинъ приобщалъ; въ то же время *каждый день*, какъ въ моемъ приходѣ, такъ и въ другихъ шести приходяхъ исправлялъ всѣ требы, какъ-то: рождильницамъ молитвы, крещеніе младенцевъ, исповѣдь, причащеніе, елеосвященіе и погребеніе умершихъ, о чемъ значится въ метрической книгѣ, поданной мною въ Московскую Духовную Консисторію 1812 года“³⁾.

Въ приведенномъ выше разказѣ о. Георгія сообщаются одни лишь голые факты, но надъ нѣкоторыми изъ нихъ нельзя не задуматься, нельзя оставить ихъ безъ нѣкоторыхъ дополнительныхъ разъясненій. О. Георгій, напимѣръ, говоритъ, что онъ „испросилъ у французскаго генерала Димильё дозволеніе совершать божественную литургію“ и „что для безпрепятственности службы къ Троицкой церкви былъ приставленъ караулъ“. Читая эти строки, подумаешь, что здѣсь дѣло идетъ о самомъ спокойномъ, мирномъ времени и о какомъ-нибудь, отличающимся большою доступностью *русскомъ* генералѣ. А между тѣмъ, и „это дозволеніе“ и „этотъ караулъ къ церкви“ стоили, по всей вѣроятности, для настоятеля Троицкой церкви большихъ трудовъ и хлопотъ, были сопряжены для него съ разнаго рода неприятностями и даже, можетъ быть, съ личными оскорбленіями, которыя онъ мужественно претерпѣлъ во имя пастырскаго долга. Не нужно забывать, что то было *военное* время, что Москва была въ полномъ обладаніи непріятелей и что всѣ законы мирнаго времени, которыми управляются общества и государства, въ это время бездѣйствовали, уступивъ мѣсто грубой физической силѣ. Нельзя не обратить вниманія и на то, что о. Георгій, по его собственнымъ словамъ, совершалъ всѣ христіанскія требы, кромѣ своего прихода, еще въ *шести* другихъ приходяхъ. Эти шесть приходоу, съ присоединеніемъ седьмого, Троицкаго, въ Троицкой, и тогда, какъ и теперь занимаютъ обширное пространство, хотя, конечно, и съ менѣе многочисленнымъ народонаселеніемъ, чѣмъ въ настоящее время. И вотъ, стоя на стражѣ духовныхъ, религіозныхъ нуждъ этого народонаселенія, о. Георгій, какъ

³⁾ Тамъ же. См. также Н. Розановъ. Исторія Московскаго Епархіальнаго Управленія. Москва. 1871. Часть 3-я, кн. 2-я, прим. 66, гдѣ напечатанъ разказъ о. Георгія,

самоотверженный пастырь, *каждый день* долженъ былъ путешествовать въ разныхъ направленіяхъ по территоріи означенныхъ приходоѡ и здѣсь, въ уцѣлѣвшихъ отъ пожара подвалахъ и подземельяхъ, отыскивать всѣхъ тѣхъ, кому нужно было преподавать утѣшенія св. христіанской вѣры. Имѣя въ виду, что въ то время по Москвѣ, находившейся на военномъ положеніи, разъѣзжали конные непріятельскіе патрули, подвергавшіе обыскамъ и даже захвату въ плѣнъ всѣхъ тѣхъ, кто, при встрѣчѣ съ ними, казался почему-либо подозрительнымъ и что, съ другой стороны, въ это же время *мародѣрство* въ Москвѣ также практиковалось въ широкихъ размѣрахъ и сопровождалось насиліями всякаго рода, надобно полагать, что о. Георгій, предпринимая при указанныхъ трудныхъ условіяхъ свои ежедневныя пастырскія путешествія по семи приходамъ, никогда не имѣлъ твердой увѣренности въ томъ, что онъ благополучно возвратится изъ этихъ путешествій домой цѣлымъ и невредимымъ. Но Господь хранилъ и сохранилъ своего вѣрнаго служителя отъ всѣхъ напастей грознаго военнаго времени. Не подлежитъ также сомнѣнію, что о. Георгій былъ большой патриотъ и всею душою, какъ вѣрноподанный, былъ преданъ Государю Императору и всему Царствующему Дому. Это видно изъ того, что своею настойчивостію онъ добился того, что ему было позволено французскимъ генераломъ на божественной литургіи „помянуть Всероссійскаго Императора со всею Его Августѣйшею фамиліею“. А вѣдь, въ Москвѣ въ это время непріятелями было организовано свое особое управленіе столицей, которая была раздѣлена на участки съ особыми начальниками-комендантами и императоромъ въ ней считался Наполеонъ...

За всѣ свои труды, подъятыя въ нашествіе непріятелей на Москву въ 1812 году, священникъ московской Троицкой, въ Троицкой, церкви Георгій Семеновичъ Легонинъ былъ Высочайше награжденъ золотымъ наперснымъ крестомъ ⁴⁾.

Протоіерей Александръ Никольскій.

Святой вечеръ.

Въ воскресный день, 9-го октября, послѣ вечерняго Богослуженія и живой бесѣды въ храмѣ, около 7 часовъ, я отпра-
вился въ привѣтливый и радушный домъ своего набожнаго при-

⁴⁾ Н. Розановъ, ч. 3-я, кн. 2 я, прим. 289.

хозяина П. И. Б—ва, который воспитываетъ и своихъ дѣтей въ духѣ вѣрѣ и благочестія и поэтому отдалъ ихъ въ духовную школу. Одинъ сынъ его обучается въ Московской Духовной Академіи, а другой въ Московской семинаріи. Не парадуйся на эту „свѣтскую“ семью. Съ радостію и теперь я шель въ нее.

Когда я вошелъ въ уютный домикъ, то узналъ, что у него въ домѣ находится о. ректоръ Московской Духовной семинаріи архимандритъ Борисъ и группа семинаристовъ—товарищей младшаго сына преимущественно 5-го класса...

И вотъ что я увидѣлъ въ домѣ прихожанина.

По срединѣ комнаты стоялъ большой длинный столъ, покрытый чистой салфеткой, за столомъ на почетномъ мѣстѣ сидѣлъ о. ректоръ, а кругомъ стола тѣсной семьей около о. ректора сидѣли юноши питомцы семинаріи. При моемъ входѣ у засѣдавшихъ шла оживленная и, какъ замѣтно было, задушевная бесѣда... Я поздоровался съ о. ректоромъ, привѣтливо поздоровались со мной воспитанники, и я, получивъ приглашеніе присоединиться къ засѣдавшимъ, занялъ мѣсто, указанное мнѣ, рядомъ съ о. ректоромъ.

Дѣло было просто: у Б—ва семинариста, собрались товарищи, подѣлиться воспоминаніями и впечатлѣніемъ послѣ поѣздки въ Соловецкій монастырь, которую они совершили минувшимъ лѣтомъ съ о. ректоромъ. И вотъ на свое то собраніе они пригласили и о. ректора. А мой прихожанинъ, конечно, съ радостію предоставилъ свой домъ для почетнаго гостя—о. ректора съ его питомцами. И дѣйствительно лучше помѣщенія едва ли можно было подобрать: здѣсь и святое настроеніе и нѣжная любовь, и безыскусственная простота, и радушіе, и самое безхитрое родственное гостепримство.

Семинаристовъ было около 15 человекъ, да еще учитель образцовой школы.

Спустя минутъ 15—20, по предложенію о. ректора, одинъ воспитанникъ 5-го кл., С. В., вытащивъ объемистую тетрадь свыше 100 страницъ, началъ читать свои воспоминанія, какъ я сказалъ, о поѣздкѣ въ Соловецкій монастырь.

Воспоминанія начинались съ самаго перваго момента отбытія въ путь изъ родной семинаріи 3-го іюня, до возвращенія въ оную. Записки составлены умѣло, интересно; сотоварищи слушали, вновь переживали то, что видѣли въ пути своемъ на Соловки, вставляли свои личныя наблюденія, дѣлились своими чувствами и воспоминаніями. Картина еще болѣе обрисовывалась и становилась яркой и колоритной... Лекторъ съ любовію остановился, между прочимъ, на пребываніи паломниковъ въ г. Вологдѣ.

И именно на томъ обстоятельстве, съ какой любовію ихъ приняли Вологодскіе семинаристы, которыхъ они застали еще въ семинаріи по случаю экзаменовъ.

Въ семинаріи Московскимъ гостямъ былъ предоставленъ и пріютъ, и столъ, и почлегъ, и семинаристы сопровождали своихъ

гостей съ особенной любовію по городу и показали имъ все, что достойно вниманія...

Далѣе описаніе пути отъ Архангельска по морю до Соловецкаго монастыря читаль уже по своимъ запискамъ другой воспитанникъ И. П., который далъ описаніе путешествія по морю съ всеми его невзгодами. Описалъ все достойное вниманія въ обители, храмы, школы, богадѣльни мастерскія, природу острова, жителей, словомъ все, все, что запечатлѣлъ живой пылкой умъ юноши, впервые увидавашаго этотъ дивный величественный уголокъ святаго мѣста нашего отдаленнаго сѣвера. Отмѣтилъ г. Піуновскій маленькій, повидимому, фактъ. Во время пребыванія ихъ въ обители прибыли воспитанницы Дворянскаго института изъ Москвы, ихъ сопровождалъ полицмейстеръ г. Архангельска, и прибыли они на особомъ пароходѣ. Осматривали они ризницу монастыря въ мѣстѣ съ ними, и, повидимому, глубокое неотразимое впечатлѣніе производило на нихъ святость и величіе суровой подвижнической жизни насельниковъ острова. Много мѣста было отведено въ описаніи особенностямъ церковнаго Богослуженія, напѣвамъ, продолжительности Богослуженія, его стройности и рѣдкой уставности. Въ общемъ воспоминаніе о монастырѣ осталось у паломниковъ самое восторженное...

Размѣры случайной замѣтки, конечно, не позволяютъ подробно остановиться намъ на всемъ томъ, что мы слышали изъ прочитаннаго въ этотъ вечеръ юными паломниками.

Чтеніе воспоминаній о паломничествѣ оживлялось особенно тѣмъ, что о. ректоръ, 8 разъ бывшій на Соловкахъ, и въ этотъ разъ ѣздившій съ юными паломниками, направлялъ, дополнялъ и оживлялъ этотъ рефератъ.

Въ началѣ десятаго часа, рефераты закончились, воспитанники стали собираться по домамъ...

О. ректоръ преподаль руководственныя указанія, какъ нужно относиться къ составленію записокъ и вообще къ личному литературному труду. Все прочитанное сгруппировалъ и объединилъ.

Признаемся, мы были очень довольны проведеннымъ святымъ вечеромъ, и, разставаясь, съ юношами, уносили самое свѣтлое теплое впечатлѣніе, невольнo согрѣвавшее сердце пастыря любовію и сердечностью видѣннаго нами молодого поколѣнія.

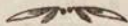
О. ректоръ, простившись съ хозяевами и поблагодаривъ ихъ за привѣтъ и ласку, отбылъ провожаемый своими питомцами...

Они также благодарили о. ректора за то, что онъ раздѣлилъ ихъ вечеръ, объединилъ и привнесъ въ ихъ сердца бодрость, свѣжесть и восторженное настроеніе.

Было 10 часовъ вечера; три часа просидѣли мы съ юношами, но время какъ одинъ мигъ: ни усталости, ни тяжести.

Простились мы съ нашимъ П. И—мъ, и бодро направились домой, унося самое свѣтлое настроеніе.

С. В.

Н. А. Долгоруковъ †.

16-го Октября на пути къ доктору внезапно скончался отъ паралича сердца, на 47 году жизни, смотритель Московскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода Петръ Алексѣевичъ Долгоруковъ. Покойный—сынъ сельскаго псаломщика. По окончаніи курса въ Московской духовной семинаріи въ 1885 году Долгоруковъ проходилъ должности: надзирателя и эконома въ упомянутой семинаріи, а съ 1901 года—смотрителя Епархіальнаго свѣчнаго завода.

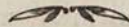
Неожиданная смерть Петра Алексѣевича поразила всѣхъ знавшихъ его. Почившій былъ труженникъ, отзывчивъ къ нуждамъ рабочихъ завода и снискалъ себѣ среди нихъ любовь и расположеніе.

Заупокойная литургія и отпѣваніе въ Четырехъ-Святительской церкви свѣчнаго завода были совершены предсѣдателемъ названнаго завода протоиереемъ В. Ф. Барбаринимъ въ сослуженіи членовъ завода священниковъ: М. Г. Ильинскаго и П. И. Архангельскаго, мѣстнаго священника (тестя покойнаго) В. С. Воскресенскаго и другихъ почитателей памяти усопшаго. Въмѣсто причастнаго стиха была произнесена проповѣдь товарищемъ—однокурсникомъ почившаго, діакономъ М. Ив. Воскресенскимъ.

Погребеніе состоялось на Мусскомъ кладбищѣ. Гробъ до могилы былъ несенъ на рукахъ служащими и рабочими завода.

Послѣ покойнаго остались жена и трое небольшихъ дѣтей.

Ив. Семен. С—ъ.

Лѣтопись епархіальной жизни.

Высокоторжественный день. 21-го октября, въ день восшествія Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича на Всероссійскій престолъ, во всѣхъ храмахъ столицы были совершены послѣ литургіи благодарственныя Господу Богу молебствія о здравіи и долгоденствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Особою торжественностью отличалось богослуженіе въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ литургію совершалъ высокопреосвященный Владиміръ, митрополитъ Московскій и Коломенскій, въ сослуженіи съ преосвященными: Василиемъ, епископомъ Можайскимъ, Анастасіемъ, епископомъ Серпуховскимъ, и другимъ духовенствомъ. Слѣдовавшее затѣмъ благодарственное молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору совершалъ высокопреосвященный Владиміръ, соборнѣ съ высокопреосвященнымъ Назаріемъ, архіепископомъ Полтавскимъ, и преосвященными: Василиемъ, Анастасіемъ и Владиміромъ (настоятелемъ Спасо-Андроніева монастыря) и высшимъ столичнымъ духовенствомъ. Въ соборѣ при богослуженіи присутствовали: командующій войсками Московскаго военнаго округа генераль-отъ-кавалеріи П. А. Плеве, предсѣдательствующій въ Московскомъ присутствіи опекунскаго совѣта генераль-отъ-кавалеріи А. А. Пушкинъ, почетные опекуны, командиръ гренадерскаго корпуса генераль-отъ-инфантеріи Э. В. Эрккъ, завѣдующій придворною частью въ Москвѣ князь Н. Н. Одоевскій-Масловъ, Московскій комендантъ генераль-отъ-инфантеріи Е. П. Вишняковъ, начальники дивизій, командиры бригадъ и полковъ и другія военно-начальствующія лица, придворные чины, Московскій губернаторъ, свиты Его Величества генераль-майоръ,

В. О. Джукювскій, Московскій градоначальник генераль-майоръ А. А. Адриановъ, попечитель Московскаго учебнаго округа А. А. Тихомировъ, Московскій губернский предводитель дворянства А. Д. Самаринъ, представители разныхъ вѣдомствъ и учреждений, московскій городской голова П. И. Гучковъ, иностранные консулы и представители сословій. Стеченіе молящихся было большое.

При пѣніи многолѣтія изъ орудій, находящихся на Тайницкой башнѣ, была произведена салютационная пальба 101 выстрѣломъ.

Молебствія были совершены въ частяхъ войскъ Московскаго гарнизона и загѣмъ произведены церковные парады.

Городъ съ утра былъ украшенъ флагами, а вечеромъ иллюминированъ.

Засѣданіе Церковно-Археологическаго Отдѣла при Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія. 20-го сентября въ Епархіальномъ домѣ состоялось первое послѣ лѣтняго перерыва засѣданіе Отдѣла, на которомъ предсѣдатель его, протоіерей Н. А. Скворцовъ сообщилъ документальныя свѣдѣнія о крестѣ съ колокольни *Ивана Великаго*. Поиски этого, будто бы *золото*, креста производились лѣтомъ сего года въ Семлевскомъ озерѣ (Смол. губ., Вязем. у.) и никакихъ результатовъ вообще не дали, если не считать найденныхъ нѣсколькихъ полустлѣвшихъ лоскутовъ зеленого сукна, двухъ съ половиною подковъ, курковаго ружейнаго замка и др. Замѣтки о крестѣ и его поискахъ обошли всю русскую печать (Ср. „Моск. Церк. Вѣд.“ № 35). Изъ хранящагося въ Архивѣ Консисторіи „дѣла“ оказывается слѣд. Утромъ 5-го марта 1813 г. синодальный ризничій, іеромонахъ Зосима замѣтилъ у сѣверныхъ дверей Успенскаго собора „запавшее свѣгомъ, но отъ кабели съ кровли протаявшее желѣзное исподнее основаніе отъ креста“ и заставилъ сторожа церкви 12 апостоловъ обречь свѣгъ, послѣ чего найденъ совершенно изломанный крестъ „по примѣчанію самый тотъ, который былъ на Велико-Ивановской колокольнѣ“. Въ тотъ же день этотъ крестъ видѣлъ надв. сов. Аталыковъ. По распоряженію экспедиціи Кремлевскаго строенія, крестъ осматривали два архитектора, которые нашли, что онъ „дѣйствительно съ главы Ивановской колокольни, но во многихъ мѣстахъ, повидимому, отъ паденія съ большой высоты поврежденъ“. Приглашенные ими кузнецъ Іоновъ, „производившій при сооруженіи сего креста кузнечную работу“, и звонарь Ивановской колокольни утверждали также, что это—крестъ съ Ивановской колокольни. Начальникъ экспедиціи сообщилъ о находкѣ преосвящ. Августину, а послѣдній—оберъ-прокурору, кн. А. Н. Голицыну, которому писалъ между прочимъ, что „пустой былъ слухъ, будто бы крестъ съ Ивановской колокольни увезенъ неприятелями. Опытъ удостовѣрилъ меня, что всего надобно отыскивать здѣсь, что почитаютъ похищеннымъ злодѣями“. Архитекторъ Руско, осматривавшій по Высочайшему повелѣнію колокольню, сообщалъ 17 янв. 1814 г. оберъ-прокурору Св. Синода, что „верхняя часть ея круглая ничѣмъ не повреждена, кромѣ купола, у котораго отъ собравшагося и сгущающагося воздуха внутри сорвало часть мѣдныхъ листовъ и крестъ“, и предлагалъ новый крестъ сдѣлать желѣзный же и обить его вызолоченною мѣдью. Такимъ образомъ, крестъ съ колокольни *Ивана Великаго* не былъ ни снятъ, ни увезенъ французами, а упалъ отъ сотрясенія воздуха, произведеннаго взрывомъ. Онъ не былъ золотымъ, но лишь отлично вызолоченнымъ червоннымъ золотомъ, почему народомъ и могъ приниматься за золотой. 21 дек. 1814 г. преосвящ. Августинъ доносилъ Св. Синоду, что глава на Ивановской колокольнѣ приведена въ прежнее состояніе, крестъ устроень и поставленъ новый.

Торжество въ Бояркинскомъ, Коломенскаго уѣзда, приходѣ 9-го октября с. г. въ сельцѣ Большомъ-Уваровѣ состоялось торжественное открытіе и освященіе памятника *) Незабвенному Царю Освободителю Александру II-му, сооруженнаго на средства благодарныхъ крестьянъ указаннаго сельца, по инициативѣ попечителя школы крестьянина И. Ф. Сумакова, пожертвовавшаго на сіе, главнымъ образомъ, свои средства и принявшаго на себя весь трудъ и расходы по устройству торжества.

На открытіе памятника 9-го же октября къ 8 часамъ утра прибылъ на платформу „Даниловка“, Озерской вѣтви, Московскій губернаторъ—Свиты Его Величества генераль-майоръ В. Ф. Джунковскій въ сопровожденіи правителя его канцеляріи г. Степанова и предѣдателя Коломенской Земской Управы.

До открытія еще памятника начальникъ губерніи пожелалъ проѣхать въ село Бояркино—зайти и помолиться въ храмъ, а такъ же обозрѣть мѣстныя: волостное правленіе, школу и больницу. Въ храмѣ его превосходительство былъ встрѣченъ прихожанами, ктигоромъ и причтомъ во главѣ съ настоятелемъ Церкви о. А. И. Субботинымъ, почтившимъ „высокаго гостя“ словомъ привѣтствія. По выслушаніи краткаго молебствія, губернаторъ прикладывался къ мѣстнымъ иконамъ, а затѣмъ, по приглашенію священника, зашелъ въ св. алтарь.—Чистота храма произвела на губернатора прекрасное впечатлѣніе, о чемъ онъ и сообщилъ о. настоятелю.

Въ Большое-Уварово губернаторъ возвратился къ 10-ти часамъ, встрѣченный у „сквера“ законоучителемъ о. Субботинымъ и попечителемъ школы при звукахъ военного оркестра. Здѣсь же были поднесены ему отъ мѣстныхъ крестьянъ—„хлѣбъ-соль“, отъ общества Бояркинскаго пчеловодства—медь въ рамкѣ и отъ Больше-Уваровской пожарной дружины такъ же „хлѣбъ-соль“.

Вслѣдъ за симъ началось „послѣдованіе водоосвященія“.

Послѣ перваго „многолѣтія“, при возгласеніи діакономъ—„во блаженномъ успеніи вѣчный покой подаждь, Господи, усопшему рабу Твоему... Императору Александру II-му... Г. губернаторъ сдернулъ покрывало съ памятника и при пѣніи „вѣчная память“ всѣ, какъ одинъ, пали на колѣна.

По послѣднемъ „многолѣтіи“, о. А. Субботинъ, при гробовой тишинѣ, держа въ рукахъ св. Крестъ, обратился къ губернатору съ рѣчью. Въ краткихъ, но прочувствованныхъ словахъ выразилъ о. Александръ великую благодарность его превосходительству за трудъ посѣщенія имъ прихода села Бояркина, отстоящаго отъ столицы въ дальнемъ разстояніи (на краю губерніи). „При этомъ, говорилъ о. Субботинъ, долгомъ считаю засвидѣтельствовать, что участіе вашего превосходительства, какъ вѣрнаго слуги Царя, въ народныхъ торжествахъ, не только здѣсь, а и вездѣ, возбуждаетъ въ народѣ патріотическое чувство. Народъ въ этихъ случаяхъ какъ-то особенно пробуждается и преисполняется желаніемъ и готовностію, для блага своего отечества, слѣдовать тѣмъ благимъ „предначертаніямъ“, каковыя исходятъ отъ Его Величества чрезъ Его вѣрныхъ слугъ.“

По окончаніи рѣчи, губернаторъ поцѣловалъ св. Крестъ и руку священника. На это послѣднее многими было обращено вниманіе, какъ на примѣръ, достойный подражанія. Пѣвчіе пропѣли концертъ: „Утвердися сердце мое о Господѣ“...

*) Бюстъ, отлитый изъ металла, поставленный на высокой колонкѣ.

Послѣ же сего его превосходительство обратился съ словомъ къ крестьянамъ, въ коемъ онъ, прежде всего, поблагодарилъ иниціаторовъ по постановкѣ памятника Царю-Освободителю, а потомъ, приблизительно, говорилъ онъ слѣдующее: „пріятно, что памятникъ Незабвенному Царю-Освободителю поставленъ около школы. Сей „образъ“ (указывая на памятникъ) облагораживающе долженъ дѣйствовать на питомцевъ школы, какъ на будущее поколѣніе; каковыя (питомцы) должны духовно воспитываться и вырастать вѣрными своему Царю и быть украшеніемъ дорогого нашего отечества“... Слово свое губернаторъ закончилъ провозглашеніемъ „здравицы“ за Его Величество—нынѣ царствующаго Государя Императора... Въ отвѣтъ послѣдовало громкое „ура“ при грохотѣ музыки. Хоръ пропѣлъ „Боже, Царя храни“...

Затѣмъ попечитель школы крестьянинъ Сумаковъ въ простыхъ словахъ благодарилъ его превосходительство отъ лица крестьянъ Б. Уварова за его высокое вниманіе къ нимъ и просилъ доложить Его Величеству о ихъ вѣрноподданическихъ чувствахъ.

Послѣ же сего о. Субботинъ, воспользовавшись вниманіемъ народа, торжественно пригласилъ всѣхъ „пожелать здравія высокому гостю,—начальнику губерніи и крикнуть ему „ура“. Раздалось долго несмолкаемое ура“; вверхъ полетѣли шапки и фуражки.

Въ концѣ торжества губернаторъ „подъ оркестръ“ передъ памятникомъ прошелъ съ казаками церемоніальнымъ маршемъ. Ахъ, какъ это было красиво! Какъ это было особенно интересно для дѣтей, и крестьянъ, не бывающихъ въ столицахъ или городахъ.

Посѣтивъ школу, его превосходительство отправился со всѣми гостями въ домъ попечителя—откушать хлѣба-соли. За трапезой „высокій гость“ милостиво и ласково бесѣдовалъ со всѣми присутствовавшими.

Около 12-ти часовъ по полудни—губернаторъ, любезно расцѣловавшись съ о. Субботинимъ и ветераномъ-учителемъ, попрощался съ окружающими его и отбылъ на платф. „Даниловка“, сопровождаемый народомъ при громкомъ „ура“. Вслѣдъ уѣзжающему „гостю“ слышались восклицанія „въ добрый часъ“... „Спаси его, Господи“... И правда, спаси и сохрани, Господи, добрыхъ, любящихъ народъ, вѣрныхъ слугъ царевыхъ.

Открытіе памятника Императору Александру II-му въ селѣ Большомъ-Уваровѣ—есть первое, кажется, торжество въ уѣздѣ. Въ будущемъ году предполагается открытіе такового же памятника въ селѣ Вояркинѣ.

„Участникъ торжества“.

Изъ с. Порѣчья, Можайск. у. 9-го окт. с/г въ с. Порѣчьѣ, Можайск. у., состоялось открытіе и освященіе памятника Царю-Освободителю Александру Николаевичу. Весьма роскошный для деревни памятникъ-бюстъ сооруженъ на средства благодарныхъ крестьянъ Порѣцкой волости, а желѣзная, кругомъ его, рѣшетка взятой работы пожертвована графомъ О. А. Уваровымъ. Въ день открытія памятника въ храмѣ с. Порѣчья настоятелемъ сего храма священникомъ о. Н. Лебедевымъ, въ сослуженіи священника о. С. Смирнова и двухъ діаконовъ—с. Песковъ о. Ф. Знаменскаго и с. Порѣчья о. П. Руднева, была отслужена торжественная литургія, во время которой хоръ монахинъ Смоленской Покровской Общины исполнялъ весьма стройно пѣнопѣнія богослуженія.

Послѣ литургіи была совершена панихида по Императорѣ Александрѣ II, предъ которой свѣц. о. Лебедевъ въ приличномъ торжествѣ словъ призывалъ

присутствующихъ, переполнявшихъ храмъ, помолиться о упокоеніи души Царя-Мученика.

Послѣ молебна съ водоосвященіемъ торжество закончилось многолѣгіемъ Царствующему Дому, Св. Синоду и всѣмъ православнымъ христіанамъ и произношеніемъ „Вѣчной памяти“ Императору Александру II. И долго не расходился народъ, вспоминая здѣсь у памятника Царя-Благодѣтеля, Освободителя и Мученика, и на лицахъ многихъ изъ присутствующихъ можно было видѣть непритворныя, искреннія слезы.

Діаконъ с. Порѣчья *Петръ Рудневъ*.

Содержаніе: Слово на 5 октября—въ день святителей московскихъ: Петра, Алексія, Іоны и Филиппа и въ день тезоименитства Наслѣдника Цесаревича Алексія Николаевича.—Памяти родныхъ поэтовъ.—Священникъ Троицкой, что въ Троицкой, церкви Георгій Семеновичъ Легонинъ. — Святой вечеръ.—П. А. Долгоруковъ (Некрологъ).—Лѣтопись епархіальной жизни.—Объявленія.

При семъ № прилагается „Московскій Благовѣстъ“ № 48. Цѣна листовъ безъ пересылки 70 коп. за 100, съ пересылкой 90 коп.

При выпискѣ на 6 руб. пересылка бесплатно.

Цензоръ
Протоіерей Н. Извъковъ.

Исп. об. редактора
Протоіерей Іоаннъ Восторговъ.

== КЪ ТРЕЗВОСТИ! ==

Церковн. поуч. свѣщ. М. Смирнова.

7 вып. о церк. разрѣш. вина. Къ обидчивымъ Смертн. грѣхъ.

Того же автора 6 вып. Содержаніе:

- 1) Призывъ къ трезв. Прот. равнодушн. Къ молитвѣ Прот. сквернословія.
 2. Пьянство общ. бѣдствіе. Бѣснованіе. О чистотѣ сердца. 3. Пьянство разрушеніе братства. Годовщ. Бр-ва. Къ молитвѣ. 4. Противъ оправданій пьянства. 5. „Горе міру отъ соблазновъ“. Предъ Судомъ Божиимъ. „Христосъ Воскресе!“ 6. О Христ. званіи. Назиданіе св. Анны Кашинской „Господи, къ кому идемъ?“
- Удостоены Резолюціи **ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО МИТРОПОЛИТА**: „Благословляются къ распространенію.“ Складъ изданія у автора. Почт. отд. Зятьково, Твер. г., г. Кутачи. Ц. кажд. вып. 5 к. Выписыв. 100 и болѣе скидка 30 0/0

Духовныя лица и ихъ семейства пользуются на льготныхъ условіяхъ въ зубоврачебныхъ кабинетахъ

Мих. Матв. БРАТЕНШИ.

Всѣ зубныя операціи **безъ боли**, искусств. зубы обыкновенныя и мостовидныя.

Кузнецкій Мостъ, Кузнецкій пер. Тел. 79—45.

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей

5 ноября.

45.

1911 года.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Опредѣлены:

- 1) И. д. псаломщика къ церкви с. Нетесова, Моск. у., окончившій курсъ 1 кл. Московской дух. семинаріи Владиміръ *Никольскій*, 25 октября.
- 2) И. д. псаломщика къ церкви с. Вышгорода, Вер. у., окончившій курсъ Александрo-Маріинскаго Марѣинскаго пріюта Вячеславъ *Владиславлевъ*, 24 октября.
- 3) И. д. псаломщика къ церкви с. Петровскаго, Бронн. у., бывшій воспитанникъ 2 кл. Московской дух. семинаріи Василій *Соколовъ*, 29 октября.
- 4) И. д. псаломщика къ церкви с. Чирикова, Под. у., сынъ псаломщика Михаилъ *Троицкій*, 29 октября.
- 5) И. д. псаломщика къ церкви с. Стараго, на р. Протвѣ, Мож. у., сынъ псаломщика Сергѣй *Розановъ*, 29 октября.

Отчислены отъ мѣста:

- 1) Псаломщикъ церкви с. Вышгорода, Вер. у., Владиміръ *Кременскій*, согласно прошенію, 24 октября.
- 2) Псаломщикъ с. Нетесова, Моск. у., Василій *Суворовъ*, за поступленіемъ его въ дух. семинарію, 25 октября.

Награда.

Его Высокопреосвященствомъ 21 октября священникъ Московской Успенской, въ Кожевникахъ, церкви Павелъ *Богословскій*, за усердную дѣятельность на пользу Общества борьбы съ народнымъ пьянствомъ, награжденъ скуфьею.

Циркулярное отношеніе на имя Московской Духовной Консистеріи Страховаго Отдѣла духовнаго вѣдомства, отъ 14 октября 1911 года за № 31232.

Въ Страховой Отдѣлъ духовнаго вѣдомства поступають отъ Духовныхъ Консистерій акты и расчеты о возмѣщеніи убытковъ по случаю поврежденій, произведенныхъ въ церковныхъ строеніяхъ—„холоднымъ“—, т.-е. безъ дѣйствія огня—ударомъ молніи.

Общее Страховое Присутствіе, не имѣя въ Высочайше утвержденномъ 6-го іюня 1904 г. Положеніи о взаимномъ страхованіи отъ огня строеній духовнаго вѣдомства, а равно и въ утвержденныхъ Святѣйшимъ Синодомъ Инструкціяхъ Духовнымъ Консистеріямъ и благочиннымъ по страховому дѣлу, основаній для возмѣщенія убытковъ по означеннымъ случаямъ, по обсужденіи сего вопроса и по сношеніи съ Юрисконсультомъ при Оберъ-Прокурорѣ Св. Синода, постановило: предложить о семъ на благоусмотрѣніе Св. Синода.

Святѣйшій Синодъ, обсудивъ предложеніе по сему предмету и, принимая во вниманіе, что: 1) согласно 2199 ст. 1 ч. X т. св. зак. страховыя учрежденія обязаны вознаграждать страхователя за убытокъ, причиненный тѣмъ именно несчастнымъ случаемъ, который указанъ въ договорѣ, и посему убытокъ отъ поврежденія молніей зданія, застрахованнаго отъ огня, не подлежитъ возмѣщенію, если при этомъ не было пожара, т.-е. разрушительнаго дѣйствія огня, и 2) согласно п. 1 Высочайше утвержденного 6-го іюня 1904 г. Положенія о взаимномъ страхованіи отъ огня строеній духовнаго вѣдомства, Страховой Отдѣлъ при Хозяйственномъ Управленіи учрежденъ для страхованія строеній духовнаго вѣдомства отъ огня,—въ опредѣленіи своемъ, отъ 24-го августа—8-го сентября 1911 г. за № 6410, постановилъ: поступающіе въ Страховой Отдѣлъ духовнаго вѣдомства расчеты о возмѣщеніи убытковъ по случаю поврежденій, произведенныхъ въ церковныхъ строеніяхъ, застрахованныхъ отъ огня, „холоднымъ“,—т.-е. безъ дѣйствія огня—ударомъ молніи, если при этомъ не было пожара, признать не подлежащими удовлетворенію.

Объ изложенномъ, для руководства, Страховой Отдѣлъ и сообщаетъ Московской Духовной Консистеріи.

Управляющій *П. Заваруевъ.*

Старшій дѣлопроизводитель *Н. Гринякинъ.*

Отъ Общества повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ солда-
тамъ и ихъ семьямъ.

В О З В А Н І Е.

Всѣ мы братья по Христу. Всѣ мы дѣти одной матери Церк-
кви. У всѣхъ насъ и одни общая родина мать—святая Русь пра-
вославная. Если горе каждаго брата должно быть близкимъ
нашему сердцу, если вздохъ и слеза каждой скорбящей души
должны доходить до насъ, то какое сочувствіе, какой живой от-
кликъ состраданія должны вызывать въ насъ нужды и скорби
нашихъ родныхъ героевъ, которые на поляхъ далекой Маньчжу-
риі проливали кровь свою за вѣру, Царя и Отечество, за наши
святыни завѣтныя и за каждаго изъ насъ въ отдѣльности. Подъ
охраной доблестной рати, мы здѣсь спокойно творили свое дѣло,—
пахали, сѣяли, торговали, не опасаясь внезапнаго нападенія не-
пріятеля. А тамъ наши братья, оторванные отъ своихъ женъ и
дѣтей, бились со врагомъ и часто своими тѣлами, какъ колосья,
подрѣзанные серпомъ, устилали ниву смерти—поля сраженія.
За насъ они лили свою кровь, за насъ принимали увѣчья и за
насъ умирали съ горячей молитвой въ потухающемъ взорѣ, да
стоитъ неизблемо Земля Русская, да процвѣтаютъ въ ней мир-
ный трудъ и правда Божія.

И вотъ кончилась война. На поляхъ сраженій, въ чащѣ
гаоляна, остались могилки павшихъ воиновъ, не оплаканныя и
не омытыя на чужбинѣ родными слезами.

А въ осиротѣвшія семьи русскія полетѣли вѣсти печальныя,
скорбныя. И раздался надъ русской равниной скорбный стонъ
матерей и отцовъ, женъ-вдовицъ и малютокъ-сиротокъ, лишив-
шихся своихъ поильцевъ-кормильцевъ.

Не радостная встрѣча ждала дома и тѣхъ, кого смерть по-
щадила, но на кого война наложила неизгладимую печать увѣчья.
Кто безъ ноги, кто безъ глаза, кто съ оторванными руками, кто
съ грудью прострѣленной — возвратились они, — наши родные,
сѣрые герои, — къ своимъ семьямъ. Неспособные къ труду — они
лягутъ тяжелымъ бременемъ на свои семьи. И что ихъ ждать
впереди, если своевременно мы не придемъ къ нимъ на помощь.
Ихъ нищета будетъ для насъ позоромъ.

Неужели не отзовемся мы на скорбный вопль, на хриплый
стонъ, который невольно рвется изъ разбитой прострѣленной

груди несчастнаго русскаго воина. Вѣдь онъ—плоть отъ плоти нашей, кость отъ костей нашихъ. Его слава—наша слава, его беспомощность—наше несчастіе.

И за каждымъ изъ нихъ стоитъ теперь, „нося терновень вѣнецъ“, Тотъ, кто сказалъ намъ: „что вы сдѣлали одному изъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ“ (МѠ. XXV, 40).

Подайте же въ протянутую къ вамъ руку Господа—кто и что можетъ: это будетъ не только жертва милосердія, но и жертва долга. Ваша лепта, какъ бы она мала ни была, не пропадетъ, не затеряется, такъ какъ дѣло помощи увѣчнымъ воинамъ и осиротѣвшимъ семьямъ ихъ поставлено хорошо, организовано на самыхъ разумныхъ началахъ.

Заботу объ этомъ взяло на себя „Общество повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ“. Оно учитъ каждаго, какъ получить всѣ тѣ пенсіи и пособія, которыя полагаются по закону увѣчному воину и его семьѣ, помогаетъ ему найти работу, которая была бы ему подъ силу, учитъ его ремеслу, которое даетъ возможность искалѣченному, больному, разбитому, заработать свой хлѣбъ, поддерживаетъ его хозяйство, которое пришло въ упадокъ во время войны, когда кормилецъ грудью своею защищалъ Царя и Родину.

Пусть знаетъ каждый, кто идетъ на войну, что онъ, по возвращеніи домой, найдетъ братскую поддержку въ Обществѣ повсемѣстной помощи, которое раскинулось уже по всей Руси.

Дайте же вы отереть слезы несчастнымъ жертвамъ войны, придите на помощь имъ, и своею косностью, своимъ равнодушіемъ къ ихъ бѣдственному положенію не навлекайте на себя праведно-движимаго на насъ гнѣва Божія,—ибо слезы этихъ страдалцевъ, число которыхъ превышаетъ 200 тысячъ, вопіютъ на небо.

Цензоръ
Протоіерей Н. Извѣковъ.

Редакторъ Секретарь Консistoriи
П. Беллавинъ.